

Сяо Цинму, глядя на свою выкрученную руку, сказал с намёком:

— А ты так крепко держишь мою руку — боишься, что я тебя съем?

Лу Цяньтан, слегка запрокинув голову, ответил:

— Боюсь, вашим драгоценным зубам неудобно будет.

Сяо Цинму резко надавил локтём:

— Перестал прикидываться простачком? А ведь у тебя это хорошо получалось.

Лу Цяньтан кашлянул:

— Раз ваше высочество всё раскрыло, продолжать бессмысленно. Но если вам нравится — могу ещё немного поспектаклю.

Сяо Цинму, коснувшись тыльной стороной руки его щеки, наклонился:

— Играй хорошо. Не дай никому разглядеть волчью голову под овечьей шкурой.

Лу Цяньтан улыбнулся:

— Слушаюсь.

Вернувшись в резиденцию, Сяо Цинму велел сшить из шкуры белого тигра шубу и подарил её Лу Цяньтану. Тот давно рвался обратно в Западный столичный лагерь, но князь нарочно не отпускал, то и дело одаривая безделушками, что порождало пересуды и внутри, и вне дворца.

Князь ещё и по ночам вызывал его играть в шахматы. Лу Цяньтан, не знавший в них толку, вынужден был скрепя сердце запереться с ним наедине.

Накануне Праздника середины осени Сяо Цинму снова позвал его глубокой ночью. По дороге Лу Цяньтан раздумывал, не прикончить ли этого навязчивого типа раз и навсегда.

Он серьёзно подумывал о побеге через стену, но перед глазами тут же возникало насмешливое лицо, и кулаки сами собой сжимались — так и хотелось врезать по этой безупречной физиономии.

Когда Лу Цяньтан вошёл, Сяо Цинму, безвольно развалясь, перебирал в пальцах белую фишку. Взглянув на него краешком глаза, сказал:

— Плечо болит, вот и идёшь медленно? Сколько ждать-то.

Лу Цяньтан небрежно поклонился:

— Ваше высочество так поздно не спит — остерегайтесь внезапной кончины.

У Яньчжу звякнул нож в ножнах.

Сяо Цинму даже не взглянул на него:

— Как мы играть будем, если ты там, как столб, стоишь?

Лу Цяньтан, мгновенно сообразив, подошёл и опустился на одно колено рядом, подняв лицо:

— Ваше высочество, я не умею в шахматы.

Сяо Цинму усмехнулся:

— Садись туда.

Лу Цяньтан положил руку ему на колено:

— Ваше высочество...

Сяо Цинму, опустив взгляд, сказал Яньчжу:

— Выйди.

Яньчжу, дёрнувшись виском, проглотил слова, вышел и плотно прикрыл дверь.

Лу Цяньтан вдруг вцепился в его воротник:

— Ваше высочество так усердно старается, чтобы все узнали: свою должность я получил, «обслуживая» вас. Мастерски.

Сяо Цинму схватил его руку:

— Тебе далеко до сотника Лу, который в любой ситуации умеет без тени смущения кокетничать и выпрашивать милости. Кто бесстыднее?

Лу Цяньтан резко вырвал руку:

— Жаль только, что, какие бы слухи ни ходили...

Он встал, отряхнул одежду и бросил вызывающую улыбку:

— ...ваше высочество ничего не получило, а я должность прикарманил. Благодарю вас.

Сяо Цинму окинул его медленным взглядом:

— Хочешь повышения — есть же прямой путь. Малый, не попробовать?

Лу Цяньтан сел по-турецки в нескольких шагах, улыбаясь:

— Я потом выйду — надо же сохранить вашу безупречную репутацию.

В день Праздника середины осени во дворце устроили пир. Сяо Цинму уехал туда рано утром и наконец-то отпустил Лу Цяньтана. Тот по дороге передал Чжао Цзину весточку, что всё в порядке, и отправился в чайную «Баньжисянь».

Близился полдень, солнце палило нещадно. Лу Цяньтан, подойдя к воротам чайной, увидел торчащую из-за стены половинку головы Цинцин.

Только собрался окликнуть её — деревянный нож-«ивовый лист» со свистом полетел в лицо. Лу Цяньтан уклонился и сразу понял: опять проделки Цинцин.

Хотел крикнуть, чтобы остановил, но ножи неслись один за другим, с явным отпечатком яростного стиля Цяо Чэнмэна. В мгновение ока Лу Цяньтан зажал в пальцах штук шесть-семь маленьких метательных ножей.

Цинцин прямо через стену перепрыгнула и оказалась перед ним, протянув руку:

— Отдай ножи.

Лу Цяньтан отстранился:

— Столько дней не виделись, и такое приветствие?

Цинцин, хихикая, выхватила ножи обратно:

— Знала, что сегодня вернёшься. Специально тётю Чжэн попросила приготовить тебе тушёное мясо в лотосовых листьях. Доволен?

Лу Цяньтан слегка подтолкнул её в спину:

— Доволен, доволен. Давай внутрь, хозяин там?

Цинцин шла впереди:

— Во внутреннем дворе. Ещё сегодня пирожные с османтусом.

Лу Цяньтан, войдя во внутренний двор, закрыл средние ворота. Лицо его потемнело. Он незаметно окинул взглядом окружение. Цинцин побежала за только что приготовленными пирожными, а тут как раз подошёл Цяо Чэнмэн. Голос его звучал ровно, без эмоций:

— И хвост привёл.

Лу Цяньтан сложил руки в приветствии:

— Учитель... Это люди князя Цзиня.

Боясь, как бы Сяо Цинму не докопался до сути, Лу Цяньтан все эти дни не решался передавать в «Баньжисянь» даже весточки. После истории в карете князь стал следить за ним ещё пристальнее. Но слухи уже разошлись, и Цяо Чэнмэн кое-что прослышал.

Цяо Чэнмэн стукнул его по левому плечу, которое казалось не совсем здоровым:

— Рана зажила?

На самом деле ещё не полностью. Лу Цяньтан невольно ахнул от боли, пробормотав:

— Почти. В резиденции князя Цзиня всё время под наблюдением был.

Цяо Чэнмэн подошёл к каменному столу и сел:

— Сяо Цижунь с виду хлипкий, но везде свои люди имеются. Не из простых. Осторожнее с ним, не приближайся.

Лу Цяньтан тихо согласился, не рассказывая о произошедшем.

Цяо Чэнмэн велел ему сесть, налил себе вина:

— Князь Цзинь держится за наследника престола, а тот уже участвует в управлении. Ошибиться тут трудно.

Лу Цяньтан сказал:

— Сяо Цижунь крайне осторожен. Дружба с наследником — не обязательно искренняя поддержка.

Цяо Чэнмэн отхлебнул вина:

— Сам соображай.

Лу Цяньтан кивнул. Как раз вернулась Цинцин с подносом сладостей, поставила на каменный стол и наполнила отцу чашу вина. С гордостью объявила:

— Пирожные с османтусом готовы! Некоторые я сама лепила — угадайте, какие? Папа, попробуй!

Очертания лица Цяо Чэнмэна смягчились. Он взял пирожное слегка кривоватой формы, сказал твёрдым тоном:

— Это твоих рук дело.

Цинцин надула губы:

— Разве так уж уродливо, что с первого взгляда видно?

Лу Цяньтан нарочно поддразнил:

— Ничего, не особо уродливо. Лишь бы съедобно было.

Цинцин бросила на него сердитый взгляд. Заметив, что у отца настроение неплохое, воспользовалась редкой привилегией дочери и позволила себе немного пошалить, пошутить.

Лу Цяньтан встретил Праздник середины осени в «Баньжисянь». Жаль только, день выдался пасмурным, луны не видно. Свинцовые тучи низко нависли над карнизами, лишь изредка сквозь дымку проглядывал тусклый лунный свет.

Цяо Чэнмэн обычно не злоупотреблял вином, но в тот день выпил лишнего. Он не говорил «хватит», и Лу Цяньтан не смел встать из-за стола — пил вместе. Цинцин же давно свалилась от усталости и рано отправилась спать.

Тут-то Лу Цяньтан и обнаружил, что выносливость к алкоголю у него неплохая. Просто раньше, без разрешения учителя, ему лишь доводилось пробовать. А сейчас, просидев так долго, он даже не чувствовал особой тяжести.

Цяо Чэнмэн, разгорячённый вином, вдруг с силой поставил кувшин на стол. Прозрачное вино брызнуло вместе с осколками, изрядно заляпав полу одежды Лу Цяньтана.

Цяо Чэнмэн, пошатываясь, поднялся. Неясно, смотрел ли он на полную луну, прячущуюся за облаками, или на высокие черепичные крыши. Сказал:

— Цяньтан, слышишь?

Лу Цяньтан встал, протянул руку, чтобы поддержать, но тот отмахнулся. Ночной ветер шумел в густой листве над головой. Цяо Чэнмэн произнёс:

— Слышишь звук хуциня?

Лу Цяньтан не слышал ровным счётом ничего, но, едва эти тихие слова коснулись земли, в его груди вдруг отозвался звон струн.

Он ответил:

— Слышу.

Это был голос Ляньяня, идущий с самых широких просторов.

Рука Цяо Чэнмэна, привыкшая к широкому мечу, крепко сжала левое плечо Лу Цяньтана:

— Уже... пять лет, как покинули Ляньянь. Цяньтан, помнишь ли... ляньяньское небо, диких коней степи Сайна? Вот это были настоящие кони... А в этом огромном Ингао и достойного коня не сыскать.

Он говорил бессвязно, явно глубоко пьяный, но Лу Цяньтан понимал. Осторожно усадил его, подал поданный слугой отрезвляющий чай.

[Примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16145/1445722>